

Одесса, октябрь 1915 г.

Цена 5 коп.
Въ Одессу—7 коп

ЮЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ

№ 3. еженедельный иллюстрированный журнал. № 3

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: въ Одессѣ на 1 годъ 2 р. 50 к., на 6 мѣс.—1 р. 30 к., на 3 мѣс.—70 к., на 1 мѣсяць—25 к.
Изъ города: на 1 годъ—3 р. 50 коп., на 6 мѣс.—1 р. 80 к., на 3 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—35 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: за строку петита въ 1 столбець передъ текстомъ—30 к., послѣ текста—20 к. Объявленія о спросѣ и предложеніи труда, куплѣ продажъ, квар ир. и др. на льготныхъ условияхъ.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ: Одесса, Екатерининская, 25, кв. 41

Завѣдующій редакціей принимаетъ ежедневно, кромѣ воскресеній отъ 2 до 4 часъ дня. Телефонъ завѣдующаго редакціей—72-28.

Принятые рукописи сокращаются по усмотрѣнію редакціи. Непринятые стихотворенія не возвращаются.

Турецкій замокъ.

Карикатура Ю. Идарского.

Нѣмецкій офицеръ: Смотри, турка, береги ключи Дарданеллъ! Или, можешь быть, ты мириться хочешь? Ну-ка, скажи. Я не прочь тебя выслушать.

"Искры жизни"

Сегодня мало кто вспомнит одесский журнал "Южный вестник", выходивший немногим более месяца осенью 1915 года. Подшивка содержит шесть тоненьких книжек, напечатанных на скверной бумаге ("Ввиду трудностей приобретения бумаги в Одессе, журнал временно принужден печататься на бумаге низшего, нежели предполагалось, качества", — с огорчением писал редактор-издатель И.И. Спивак.)

Но не только с бумагой не повезло. Как обычно, молодым энтузиастам хотелось объять необъятное. Журнал задумывался с размахом, как издание, "обслуживающее интересы и нужды" обширного южного края. Еженедельник должен был быть литературным и публицистическим ("Мы хотим еще раз повторить до сих пор не удававшиеся другим попытки".) Журнал для провинции и о провинции планировалось насыщать также политической и экономической информацией, а еще искусствоведческими обзорами и оригинальными сатирическими рисунками. Анонсировались публикации лучших местных и столичных авторов, заявлено было сотрудничество с известными художниками Б. Антоновским, М. Линским, MAD (два последних так ничего и не напечатали в журнале). Вместо них мы находим большое количество рисунков некоего художника Ю. Идарского.

Увы, все это органично не соединилось, отзвуки салонной прозы и поэзии плохо сочетались с реалиями военных событий ("Сколько разбито надежд!").

И вместе с тем в журнале "Южный вестник" есть страницы чрезвычайно любопытные. Во-первых, юные поэтические дарования Одессы пробовали на его страницах публиковать свои первые опысы. Стихи Бориса Бобовича, Валентина Катаева, Юрия Олеши, юношески свежие и искренние, выгодно отличались от многих других. Рядом с этими мальчишками, в стихах уже маститого Эмиля Кроткого чувствовалось опытное, уверенное перо.

Забавно сегодня читать критическую рецензию на поэтический альманах "Авто в облаках", где с провинциальным жаром развенчивался "одесский футуризм". Зато необычайно ценны информация в обзоре выставки южнорусских художников или же рецензия на спектакль одесского Драматического театра "Тот, кто получает пощечины" по пьесе Л. Андреева.

Остается актуальным очерк "Визит к художнику", где глазами очевидца описан дом Николая Дмитриевича Кузнецова, известного художника-передвижника, участника многих всемирных выставок, владельца поместья и великолепной коллекции живописи. И, по контрасту, предстает перед нами судьба талантливого художника Моисея Феферкорна, прожившего недолгую и полную лишений жизнь. Кстати, очерк из журнала "Художники и рамы" до сих пор является одним из немногих источников информации об этом художнике.

Журнал "Южный вестник" сегодня, конечно, в числе раритетов, но мы рады возможности предложить вашему вниманию наиболее любопытные из его страниц.

Татьяна ЩУРОВА

Кларимонда.

Кларимонда идет
мимо замка

—
Лунной ночью надь домами надушеннаго
бомонда,

Надь лачугами, мостами, озаряя купола,
Въ хризолитовой одеждѣ лунофея Кларимонда

Ходитъ тихо, ходитъ свято, лучезарна
и свѣтла...

—
Я безумень, я страдаю — хризолитовая
рамка

Зажимаеъ, давить душу: грусть осталась,
счастья нѣтъ!

Лунофея Кларимонда проходила мимо
замка...

Кларимонда, Кларимонда, Кларимонда —
лунный свѣтъ.

Юрій Олеша.

Ночью.

Посвящаю Н. Вортъ.

Ночь. Улица. Мерцающимъ узоромъ
Осеннихъ звѣздъ земля освѣтлена.
Изъ моря всплывъ, застыла надь соборомъ
Отчетливая, яркая луна.

—
Иду одинъ. По звонкимъ тротуарамъ
Какъ тѣнь идутъ мои шаги за мной.
Плыветъ туманъ неувимыхъ паромъ
По крышамъ обезцвѣченнымъ луной.

—
Еще я чувствую остывшею рукою,
Твоей руки волнующую дрожь,
И вижу милую улыбку надь собою
И думаю: что если это ложь?

—
Остановлюсь на мигъ ошеломленный,
Представлю мысленно твой славный
дѣтскій взглядъ,

И вновь иду, счастливый и влюбленный
По звонкимъ улицамъ, куда глаза глядятъ.

Валентинъ Катаевъ.

Концертно лекціонный сезонъ.

Концертно лекціонный сезонъ предвидится въ Одессѣ разнообразный. Ожидаются концерты Л. Собинова, Дм. Смирнова, Яши Хейфеца. Концерты ихъ будутъ даны не только въ Одессѣ, но и въ другихъ городахъ юга. Предполагаются также лекціи проф. Гредескула, Рейна, Туганъ-Барановскаго, Овсяннико-Куликовскаго, члена Гос. Думы А. Шингарева и другихъ. Для устройства этихъ лекцій и концертовъ образовалась даже специальная "концертная дирекція Е.Б. Галантера и Н.Я. Золотарева". Приглашены на рядъ вечеровъ Арк. Аверченко и Тэффи. Лекціонный сезонъ открывается назначенными на 30 и 31 октября лекціями бывшаго товарища председателя 1-й Госуд. Думы профессора Н.А. Гредескула, на темы: "Насиліе надь міромъ" (Европейская война. Роль въ ней

Россіи) и "Национальный вопросъ" (на Западѣ и въ Россіи).

Театръ электрическій и театр драматическій. (Сентенціи моея сосѣдки).

—
Были въ "Кино" — "Тепло и чудесно!
Мнѣ шептала сосѣдка — какъ въ банѣ!
Все здесь движется, точно живое,
Но какъ жалко, что все бессловесно!
Если-бы рѣчь полилась на экранѣ, —
Интереснѣ было-бы вдвое!"

—
Были въ "Драмѣ"... Сосѣдка въ печали
Мнѣ шептала: "Красиво... Нарядно...
Но... что то тутъ есть роковое:
Если-бъ всѣ персонажи молчали,
Если-бъ рѣчь не лилась заурядно —
Интереснѣ было бы вдвое!"

"Р. и Ж."

А. И. Гомбергъ. Новый антрепренеръ гор. театра.

Одесситка.

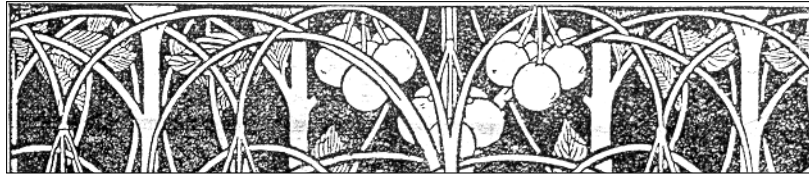
(Изъ утерянной поэмы).

Нѣтъ словъ, стара моя попытка,
Но... новыхъ темъ подь солнцемъ нѣтъ!
Цвѣтокъ Одессы — одесситка —
Стиховъ восторженныхъ предметъ.
Сорвавъ съ минувшаго завѣсы,
Ищу забытыя слова...
О васъ, о женщины Одессы,
Гремитъ до сѣвера молва.
И кто, въ безчувственности стойкій,
Сумѣлъ предъ вздохомъ устоять,
Прочтя у водъ холодной Мойки
Письмо съ ошибками на "ять"?
Когда-то пылкій Альталена
(Его Чуковский такъ назвалъ)

Во мракѣ питерскаго плѣна
По вашимъ взорамъ тосковалъ.
И я, мятежныхъ чувствъ избытокъ
Съ трудомъ втѣсняя въ склепы строфы,
Глаза прелестныхъ одесситокъ
Хвалить безъ усталы готовъ!

О городъ — смѣсь племенъ и націй!
Ты, здоровой логикѣ въ ущербъ,
Цвѣты прославленныхъ акацій
Забылъ вплести въ свой юный гербъ.
Вотъ символъ города — кокетки —
Душистый цвѣтъ, покрывшій вѣтки
Подобьемъ легкаго снѣжка,
При первомъ вѣтрѣ пасть готовый,
Слегка хмѣльной, слегка дешевый
И... надодѣдливый слегка!..

Эмиль Кроткій.

Гдѣ зрѣютъ апельсины...

(Баллада безъ содержанія).

Тамъ, гдѣ зрѣютъ апельсины,
Гдѣ стремятся лавры въ высь,
Гдѣ пугливья Мессины
Любятъ изрѣдка трястись;
Тамъ, гдѣ папствуетъ не папа-ль,
Гдѣ прожившій жизни треть
Можетъ, видѣвши Неаполь
(Иль не видѣвъ!) умереть;
Гдѣ зимой безъ угля жарко,
Гдѣ, амурами казнимъ,
Жиль — пописываль Петрарка
И Первухинъ вслѣдъ за нимъ;

Тамъ гдѣ взрослые какъ дѣти,
Гдѣ улыбчива толпа,
Гдѣ бушуетъ Маринетти —
Маяковского *papa*;
Тамъ, гдѣ право-жь, не въ уронѣ
Плебсъ въ адамовомъ плащѣ,
Гдѣ ѣдали макарони
Тѣ, что ѣли вообще.
Тамъ, гдѣ "дѣти" помнятъ смутно
Что Нероны ихъ "отцы",
Гдѣ родятся поминутно
Мандарины и пѣвцы;
Гдѣ въ одеждѣ видятъ бремя
(Мать "въ сорочкѣ" родила!), —
Тамъ творятся въ наше время
Презанятныя дѣла!..

Эмиль Кроткій.

У глухой стѣны.

Мольбы сотенъ еврейскихъ дѣвушекъ, жаждущихъ высшаго образования и возможности оказывать помощь страждущимъ, — дѣвушекъ, чьи отцы и братья проливаютъ кровь наравнѣ со всѣми гражданами своей родины, не услышаны сквозь толстыя стѣны Одесскихъ высшихъ медицинскихъ курсовъ.

И послѣ безконечнаго ряда мытарствъ съ доставленіемъ безчисленныхъ свидѣтельствъ, удостовѣреній и прочихъ документовъ, злополучныя "аспирантки" все продолжаютъ стоять у завѣтныхъ дверей длиною очередью...

Для того, что-бы въ концѣ концовъ не быть принятой въ число слушательницъ перваго курса Одесскихъ Высшихъ Женскихъ Медицинскихъ курсовъ, необходимо было доставить въ канцелярію курсовъ вотъ какую кипу документовъ.

- 1) Аттестатъ объ окончаніи 7—8 классовъ женской гимназіи.
- 2) Свидѣтельство о благонадежности.
- 3) Метрическое свидѣтельство.
- 4) Удостовереніе командира полка въ томъ, что отецъ или братъ находится въ дѣйствующей арміи.
- 5) Полицейское дознаніе о томъ, что дочь или сестра дѣйствительно находилась на иждивеніи того, кто сейчасъ находится въ дѣйствующей арміи.
- 6) Удостовереніе казеннаго раввина въ томъ, что братъ, находящійся въ дѣйствующей арміи, есть родной братъ просительницы.
- 7) Свидѣтельство городского (не-

премѣнно городского) врача, — если у просительницы братъ на войнѣ, — о томъ, что отецъ безусловно не способенъ къ труду.

8) Медицинское свидѣтельство о здоровьи просительницы.

9) Разрѣшеніе родителей, и 3 фотографическихъ карточки.

И когда на хлопоты по документамъ истрачены послѣднія силы и способности, послѣ мучительной бѣготни по участкамъ, приѣмнымъ и канцеляріямъ, несмотря на то, что отецъ или братъ просительницы проливаютъ кровь на войнѣ — "аспиранткѣ" все-таки заявляютъ:

— Вы, еврейки, не будете приняты, потому что все еще существуетъ для васъ "черта" и "норма".

А врачи такъ необходимы, такъ необходимы теперь странъ...

Ю. Идарскій

Художники и рамы.

Сурова судьба художника Моисея Яковлевича Феферкорна. Судьба дала ему талант, — но заставила вести полуголодное существование. Она зажгла в сердце бѣднаго еврейскаго юноши стремление къ искусству — къ живописи, заставила его глубоко вѣрить въ свое будущее, — а когда оно улыбнулось, когда за спиной выросли орлиныя крылья, — пришла смерть и оставила бѣдное сердце мечтателя-художника.

Феферкорн скончался на 25 году своей жизни, въ августѣ прошлаго года отъ разрыва сердца, когда былъ уже на послѣднемъ курсѣ Академіи художеств...

Смерть его прошла незамѣтно. И когда открылась въ началѣ нынѣшняго октября выставка картинъ общества Южно-русскихъ художниковъ, то всѣ заинтересовались этюдами неизвѣстнаго Феферкорна.

Его "Паркъ", "Румянцевскій скверъ", и этюдъ "На Волгѣ" — говорить о большомъ и чуткомъ мастерѣ кисти. Эти этюды ярко выдѣляются на выставкѣ и возлѣ нихъ публика подолгу стоитъ.

По своему дарованію Феферкорнъ — пейзажистъ.

Въ каталогѣ предъ фамиліей Феферкорна отмѣтка — черный крестикъ. А Феферкорнъ — еврей и его прахъ поκειται на еврейскомъ кладбищѣ... Въ этой мелочи сказалась оплошность устроителей выставки.

И если-бы этою оплошностью ограничили странныя детали отно-

шенія художниковъ къ Феферкорну — оно бы еще было простительно. Но въ этомъ отношеніи есть и нѣчто большее, нежели оплошность.

Феферкорнъ оставилъ послѣ себя очень много цѣнныхъ работъ. Всѣ его холсты хранятся въ большой корзины, которую художникъ предъ смертью привезъ родителямъ. Эту корзину братъ покойнаго, предъ тѣмъ какъ отправиться на театр военныхъ дѣйствій, доставилъ мѣстному художнику К. К. Костанди. (Покойный Феферкорнъ былъ любимымъ ученикомъ этого художника).

Когда открылась выставка, Костанди представилъ всю корзину на усмотрение жюри. Но на выставку было принято всего десять этюдовъ Феферкор-

на, и только потому, что они были... въ рамкахъ...

На выставкѣ масса ненужныхъ и бездарныхъ полотень въ дорогихъ рамкахъ, а вотъ для талантливыхъ этюдовъ Феферкорна не нашли рамъ...

Работами Феферкорна, между прочимъ, заинтересовался мѣстный журналистъ Л. М. Камышниковъ. По его просьбѣ секретарь общества Южно-русскихъ художниковъ г. Стилиануди приказалъ доставить изъ кладовой корзину съ работами Феферкорна. Тамъ — свыше тысячи работъ. Многія изъ нихъ представляютъ большую цѣнность.

Мы успѣли осмотрѣть лишь несколько этюдовъ и они оказались ярче и сильнѣе тѣхъ, что были выставлены.

— Почему эти работы не выставлены? — невольно сорвался вопросъ.

И г. Стилиануди намъ отвѣтилъ:

— Рамъ нѣтъ. А заказывать — у насъ нѣтъ средствъ...

Когда на путяхъ искусства непреодолимымъ препятствіемъ вырастаютъ рамы, — не грустно-ли это? И не тѣсно-ли искусству, окованному въ рамы?

Задаемъ эти вопросы къ свѣдѣнію Южно-русскихъ художниковъ.

Въ настоящее время возникла мысль устроить выставку картинъ Феферкорна. Эту выставку въ недалекомъ будущемъ предполагаетъ устроить г. Камышниковъ. На деньги, которыя будутъ выручены отъ продажи картинъ Феферкорна, предполагается поставить памятникъ на его могилѣ.

Какъ намъ сообщаютъ, евреи ученики Петроградской Академіи Художествъ рѣшили устроить конкурсъ на составление проекта памятника на могилѣ покойнаго Феферкорна, пользо-

вавшегося въ Академіи большою популярностью. Въ составъ жюри конкурса приглашенъ Илья Гинзбургъ и другіе видные скульпторы и художники.

—

...Я видѣлъ обстановку, въ которой росъ и умеръ молодой талантливый художникъ.

Окраина города. (Мясоѣдовская ул.). Подвалъ, наполненный солеными огурцами и арбузами, — здѣсь торгуютъ старики Феферкорны.

Надъ подваломъ небольшая комната. Одинъ уголокъ ея заваленъ гнилыми арбузами, приготовленными для солки. Въ другомъ — огромныя бочки съ борщемъ. Въ глубинѣ комнаты кровать, шкафъ, сундуки и столъ. Спертый, гнилой воздухъ...

Академія художествъ прислала старикамъ Феферкорнамъ гробообразный ящикъ съ академическими работами покойнаго. И старикъ Феферкорнъ, разворачивая огромныя полотна на грязномъ полу, со вздохомъ говорилъ:

— Это мой сынъ рисовалъ...

Голосъ дрожалъ. Затѣмъ старикъ указалъ мнѣ на деревянную кровать.

— На ней онъ умеръ... Онъ приѣхалъ въ субботу вечеромъ изъ Тверской губерніи. Онъ тамъ жилъ на Академической дачѣ... И тихо сказала: "Папа, наконецъ я дома..."

Въ эту ночь онъ умеръ отъ разрыва сердца...

Бѣдный еврейскій юноша, послѣ безконечныхъ мытарствъ, приѣхалъ въ родной домъ, чтобы умереть на отцовской кровати...

И. Златогоровъ.